

Семен Венгеров

Вильям Шекспир

Семен Венгеров
Вильям Шекспир

«Public Domain»

1905

Венгеров С. А.

Вильям Шекспир / С. А. Венгеров — «Public Domain»,
1905

«Биографические сведения о величайшем драматурге христианского периода жизни человечества, несомненно, далеко не соответствуют той безграничной славе, которою окружено его имя. Благодаря этому, главным образом, могла возникнуть нелепая и пошлая в своей основе Шекспир-Бэконовская теория, которая не хочет примириться с тем, чтобы какой-то ничтожный актер мог написать такие великие произведения. Но скудость биографических сведений о Шекспире и значение этой скудости несомненно преувеличены...»

© Венгеров С. А., 1905

© Public Domain, 1905

Содержание

I. «Скудость» биографических сведений о Шекспире	5
II. Семья Шекспира	8
III. Детство Шекспира	10
IV. Женильба	13
V. Шекспир и сэр Томас Люси	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Семен Венгеров Вильям Шекспир

I. «Скудость» биографических сведений о Шекспире

Биографические сведения о величайшем драматурге христианского периода жизни человечества, несомненно, далеко не соответствуют той безграничной славе, которою окружено его имя. Благодаря этому, главным образом, могла возникнуть нелепая и пошлая в своей основе Шекспир-Бэконовская теория, которая не хочет примириться с тем, чтобы какой-то ничтожный актер мог написать такие великие произведения.

Но скудость биографических сведений о Шекспире и значение этой скудости несомненно преувеличены.

Редкая, в самом деле, биография великого драматурга не начинается с цитирования известных слов Стивенса, одного из первых по времени серьезных шекспирологов:

«Все, что известно с некоторою степенью достоверности относительно Шекспира – это то, что он родился в Стратфорде на Авоне, там женился и прижил детей, отправился в Лондон, где был сначала актером, писал поэмы и драмы, вернулся в Стратфорд, сделал завещание, умер и был похоронен».

Считается, что эти слова, сказанные стотридцать лет тому назад, в значительной степени сохраняют свою силу вплоть до наших дней. И действительно, фактов, непосредственно касающихся Шекспира, со времен Стивенса почти что не прибавилось.

Вместе с тем, однако, беспримерная тщательность, с которою Шекспиром занимались и продолжают заниматься прямо целые сотни исследователей не могла остаться бесплодной. Изучена до последних мелочей та обстановка, в которой сложилась жизнь и литературная деятельность Шекспира. И то, что среда, затем исторические и литературные условия эпохи *могли* дать Шекспиру, известно теперь превосходно. А то, что крылось в индивидуальных условиях его великого гения, вообще не подлежит констатированию. Как ни плодотворен сам по себе исторический метод изучения писателей в связи с фактами их биографии, этот метод почти теряет свое значение в применении к таким необычайным проявлениям творческого гения человечества, как Шекспир. Безграничная глубина проникновения в душу человека, составляющая основную черту Шекспира, по самому существу своему не может находиться в каком-бы то ни было соответствии с теми реальными условиями мелкобуржуазного прозябания, в котором проходила личная жизнь этого изобразителя душевных движений царей, полководцев и всемирно-исторических героев. Если бы мы даже знали каждый шаг жизни Шекспира в Стратфорде, где он прожил весь тот период, когда складывается духовный облик человека, то это ни мало не подвинуло бы нас к объяснению великой загадки рождения такого необычайного дарования в таких обыкновеннейших житейских условиях. Стратфорд существовал не одно столетие до Шекспира и продолжает существовать три века после него и не дал ни одного даже второстепенного писателя, – ясно, следовательно, что в условиях жизни этого городишки не было ничего такого, чтобы благоприятствовало развитию литературных наклонностей.

Так же как сам Шекспир создал вечные, *общечеловеческие* типы, так же как он сам переносил действие своих драм в самые различные эпохи и страны и этим ставил их вне времени и пространства, так и собственное его творчество не подчинено в своих коренных основаниях условиям времени и пространства. Кроме безусловно второстепенных мелочей

и отдельных выражений в великих произведениях Шекспира (в слабых вещах есть сильные следы эпохи), мы не можем доискаться даже того, где в них сказался англичанин. Тем более, значит, будет бесполезно, бесплодно и бесцельно, если мы начнем в этих созданных для всех времен и народов вершинах всемирного творчества искать стратфордского торговца съестными припасами или лондонского второстепенного актера. Самое обильное количество биографических фактов столь же мало может уяснить Шекспира, как не уясняет величественное впечатление, которое производит какая-нибудь уходящая под небеса гора, если мы начнем доискиваться, из чего эта громада состоит: из гранита, доломита, диорита, базальта и т. д.

Некоторые шекспириологи стараются доказать, что Шекспир – человек Возрождения по преимуществу. В этом много правды. Но ведь и Возрождение – понятие обнимающее, по меньшей мере, два века и настолько общечеловеческое, что, зародившись в Италии, нашло вот яркое выражение в Стратфорде.

Значительно преувеличена и самая «скудость» фактов, непосредственно освещающих жизнь Шекспира. Их куда больше, чем в утверждении Стивенса, более сказанном для красного словца, чем верном. Их мало не безусловно, а только по сравнению с той огромной славой, которою пользуется Шекспир. Про других писателей его эпохи, самых знаменитых даже, известно тоже очень мало, но только по отношению к ним не так напряжено любопытство. Нужно помнить, что, несмотря на небывалый расцвет театра и драматической литературы при Елизавете, в обществе относились с крайним пренебрежением не только к актерам, которые должны были пристраиваться в качестве «слуг» (servants) к какому-нибудь знатному лорду, но и вообще к драматической литературе. Уважали авторов поэм, ученых, знатоков древности, но драма считалась низшим родом искусства, и такое выдающийся ревнитель просвещения, как Бодлэй, пожертвования которого положили основание знаменитой «Бодлеане» (библиотеке оксфордского университета), поставил условием, чтобы на жертвуемые им деньги не приобретались драмы и «тому подобная дрянь».

При таком отношении к деятелям театра, вполне понятно, почему современники, столь внимательно следившие за ходом событий в жизни всех многочисленных вельмож Елизаветинского двора, не уделяли ровно никакого внимания низменной в общем представлении сфере театральных фигляров. Вслед за самым видным из новейших биографов Шекспира – Голиуэль-Филипсом (Halliwell-Phillips), справедливо указывает другой известнейший шекспириолог Доуден в своем предисловии к так называемому Ирвинговскому изданию Шекспира, что еще меньше, чем о Шекспире, сохранилось точных сведений о знаменитейших современных ему драматургах: Марло и Флетчере. И на этом основании Доуден приходит к формулировке, которой давно бы пора вытеснить слова Стивенса:

«Мы должны удивляться по отношению к Шекспиру не тому, что мы так *мало*, а тому, что мы так *много* о нем знаем».

Важно еще подчеркнуть, что мнимая скудость данных о Шекспире обуславливается тем, что шекспириология проявила необычайно строгое критическое отношение в проверке биографических сведений о великом драматурге. Она, напр., не считает достаточно достоверными те факты, которые сообщил первый обстоятельный биограф Шекспира – Роу. Лет восемьдесят после смерти Шекспира Роу на основании показаний старожилов, собранных актером Бетертоном, составил связный рассказ о молодых годах великого стратфордца, напечатанный в изданном Роу в 1709 г. собрании сочинений Шекспира, вместе с другими собранными Роу преданиями о жизни Шекспира. Биография Роу долго являлась бесспорным и обильным источником, до тех пор, пока в конце XVIII в. во всех странах не начался тот величайший интерес к Шекспиру, который Гете характеризовал словами: «Shakespeare und kein Ende». Стали добиваться абсолютно точных, документально подтверждаемых данных и Роу был признан собранием более или менее достоверных анекдотов. Если с такою же строгостью отнестись ко всем иным жизнеописаниям деятелей прошлого – то можно с уверен-

ностью сказать, что значительнейшая часть литературно-биографического материала испытывает судьбу написанного с величайшею любовью к истине труда Роу.

Главнейшие изыскания наиболее авторитетных биографов Шекспира могут быть сведены к следующим данным.

II. Семья Шекспира

Фамилия Шекспир когда-то была очень распространена во всей Англии. Этимологическое значение её – потрясатель (Shake) копия (Spear или Spere). По-русски это соответствовало бы фамилии *Копьев*. Фамилия видимо указывает на военное происхождение и косвенно как бы подтверждает дворянские притязания отца Шекспира. Впервые в документах имя Шекспира встречается в связи с одним мало почтенным, но до известной степени военным деянием – в 1248 г. Вильгельм Shakespeare или Sakespere был повешен за разбой. Чрезвычайно распространена была фамилия Шекспир в графстве Варвик (где находится Стратфорд). Еще в XVII столетии в 34 городках и деревнях этого графства жили семьи, носившие фамилию Шекспир. Характерно, что особенно было распространено среди Шекспиров имя Вильям, Этим, может быть, объясняется то, что совершенно неправильно приписывалось позднейшим преданием Вильяму Шекспиру-драматургу много такого, что в действительности относится к какому-нибудь другому, ничем неинтересному Вильяму Шекспиру.

С полной достоверностью мало можно сказать не только о дальних предках Шекспира, но даже о деде его. Правда, отец драматурга, когда в 1596 г. хлопотал о даровании ему дворянского герба, утверждал, что отцу его, значит, деду Вильяма король Генрих VII за военные заслуги дал земельное поместье в графстве Варвик. Верно-ли, однако же, это утверждение – документально доказать нельзя. Но, по-видимому, нельзя сомневаться, что Шекспир происходил из хорошей Иоменской, т. е. мелкошляхетской семьи и что не меньше 4–5 поколений его предков владели довольно значительными однодворческими угодьями. В 1389 г. некий Адам Шекспир получил за военные заслуги земли в лен в лежащем недалеко от Стратфорда Бэдсли Клинтоне (Baddesley Cliton). Принимают, что он был прадед Ричарда Шекспира, который в начале XVI в. жил в Вроксголе, в том же Варвикском графстве. Другой Ричард Шекспир, видимо очень близкий родственник Вроксгольских Шекспиров, жил в качестве арендатора в Снитерфильде, деревне, отстоящей на 5 верст от Стратфорда. Почти нельзя сомневаться, что это был дед великого писателя. В 1550 г. он снял в аренду ферму у Роберта Ардена. Через 10 лет он умер и аренда перешла к сыну его Джону. По этому поводу имущество Ричарда Шекспира подверглось оценке и стоимость определена была в 35 фунт., т. е. по нынешнему около 350 р. Но сравнивая тогдашние цены на жизненные припасы и другие предметы, политико-экономы пришли к выводу, что в то время ценность денег была приблизительно в 8–9 раз больше. Таким образом, имущество, доставшееся Джону, можно оценить в 2½–3 тысячи.

Джон Шекспир был, видимо, один из 3 сыновей Ричарда. Из них один – Томас – был уважаемый и зажиточный землевладелец в Снитерфильде. Другой брат – Генрих Шекспир тоже жил в Снитерфильде, был сначала довольно богат, но потом дела его пошли все хуже и он умер в 1596 г. совершенно разорившись.

Если нельзя с безусловною достоверностью установить генеалогию Шекспира-отца, за то уже личную жизнь его можно проследить с большою обстоятельностью. Он принимал деятельнейшее участие в общественной жизни Стратфорда и в городских актах сохранилось множество следов этой деятельности. В 1551 г. Джон Шекспир оставил Снитерфильд, где родился, и перебрался в Стратфорд. Здесь он завел торговлю сельскохозяйственными продуктами, продавая хлеб, шерсть, солод, мясо, шкуры. В некоторых документах он фигурирует как «перчаточник», но, вероятно, он только продавал кожу для выделки перчаток. По преданию он был также мясником. В общем, это был человек весьма оборотливый и ловкий. Дела его шли отлично, и по мере того, как он богател, он удостаивался разных почетных общественных должностей: надзирателя за доброкачеством пива и пищевых продуктов, члена магистрата, городского казначея и др. Один год он был даже мэром городка (High

bailiff). Обязан он был всем этим почетом исключительно своей деловитости, потому что образование его было не то, чтобы очень большое. Если в архиве Стратфордского городского управления и имеются доказательства того, что он умел писать, то, все-таки, большинство документов он скреплял не подписью, а каким-нибудь знаком.

В 1557 г. Джон Шекспир очень выгодно женился на Мэри Арден, младшей дочери Роберта Ардена, состоятельного владельца мызы Вильмот (упоминаемого в «Укрощении Строптивой») под Стратфордом. Род Арденов принадлежал к среднему дворянству (джентри). Мэри была любимейшей дочерью Ардена, и к ней перешла значительнейшая часть наследства. Этому обстоятельству биографы Шекспира придают известное значение, потому что Роберт Арден был ревностный приверженец тогда очень преследуемого католичества. Надо поэтому полагать, что раз он так любил Мэри, предпочтительно перед женою и 6 дочерьми, то между прочим оттого, что находил в ней сочувствие своим убеждениям. Кроме её возможной приверженности к католицизму, для характеристики матери Шекспира известно только то, что она видимо не получила никакого образования, так как на документах, где требовалась её подпись, имеется только знак.

III. Детство Шекспира

В 1558 г. Мери Шекспир родила дочь Иоганну, в 1562 г. вторую дочь Маргариту, но обе они умерли в младенчестве. В конце апреля 1564 г. родилось третье дитя – Вильям. Вполне точно день рождения великого драматурга не установлен. По преданию, долго живущему в его потомстве, он родился в тот же день, когда 52 года спустя умер – 23 апреля. Крещение его в главной Стратфордской церкви – Св. Троицы (Holy Trinity) занесено под 26 апреля старого стиля, тогда еще не отмененного в Англии. Всякому туристу, посещающему эту главную цель литературного паломничества в Стратфорд (здесь погребен Шекспир), прежде всего бросается в глаза поставленная у входа деревянная пергаментная метрическая книга. Это настоящая «книга живота» Шекспира и его близких – тут записи и о рождении его, и о смерти, и о разных других событиях из жизни его семьи.

Неподалеку от метрической книги немного поврежденная древняя каменная купель, в которой, вероятно, был крещен Шекспир.

Не установлено с точностью, в каком из двух принадлежавших отцу Шекспира в улице Генли (Henley-Street) смежных домов, увидел свет Вильям. Со середины XVIII века принимают, что он родился в левом, в котором постоянно жили потомки сестры Шекспира – Гарты, по профессии мясники. В правом долго помещался трактир «Лебедь и Девичья Непорочность». В 1847 г. оба дома были по подписке приобретены и стали общественным достоянием, Их соединили в одно, подновили, оставив в неприкосновенности весь характер постройки и не пострадавшие от времени части. В комнате, где, как принимают, Шекспир родился и прилегающих к ней сохраняется и старинная мебель, а в правом доме устроен Шекспировский музей: портреты его, бюсты, старинные издания, оружие того времени, школьный пюпитр и др.

Дом где родился Шекспир, составляет, конечно, предмет особого внимания литературных паломников (преимущественно американцы), многими тысячами в год посещающих Стратфорд. К задней стороне дома прилегает сад, в котором разведены все упоминаемые у Шекспира растения.

Стратфорд на тихом, меланхолически-красивом Авоне, где Шекспир провел детство, отрочество и отчасти юность, до 18–19 лет, и в настоящее время представляет собою крошечный городок с 8000 жителей, с десятком улиц, который из конца в конец можно пройти в 15–20 минут. Во времена Шекспира число жителей в Стратфорде не превышало 1400 человек, так что собственно это было большое село. И теперь Стратфорд как-бы стоит незначительным клочком среди полей, а тогда смесь «города» с деревней была, очевидно, еще сильнее. Улица, на которой прошла самая впечатлительная пора жизни Шекспира, имела особенно деревенский характер: она потому называлась улицею Генли, что в сущности это была дорога, которая вела в соседний городок Генли.

Несомненно, следовательно, и без всяких индивидуальных сведений о Шекспире, что вырос он, как и всякий деревенский мальчик, резвясь и бегая по полям и лесам. Этим объясняется то превосходное знание природы, которым поражают произведения Шекспира. Специалисты ботаники, садоводы, зоологи и энтомологи составили длиннейшие перечни трав, деревьев, плодов, птиц, насекомых, о которых Шекспир говорил, хотя и мимоходом, но с необыкновенною точностью и меткостью характеристики. Точность усвоения и вообще-то составляет одну из самых замечательных сторон во все углубляющегося гения Шекспира. Моряки, например, совершенно поражены тем точным знанием столь чуждого ему морского дела, которое он проявил в «Буре». Ему, очевидно, достаточно было одних разговоров с какими-нибудь моряками, чтобы превосходно усвоить все существенное. Тем прониковеннее, конечно, изображение того, что он сам вычитал из великой книги природы.

Чарующая поэзия картин природы у Шекспира (особенно богат ими «Сон в летнюю ночь») глубоко пережита и перечувствована; в них всегда видно не только знание, но и глубокая любовь. Оттого, между прочим, даже в таких условных произведениях его, как мифологическая поэма «Венера и Адонис», мало той «пастушеской» сентиментальности, которою отличаются «сельские», созданные по классическим образцам, произведения его современников.

Несомненным отголоском почти деревенского быта, среди которого прошла юность Шекспира, является и тот яркий отпечаток фольклора, который лежит на всех его произведениях. Они полны намеков на многочисленные веселые обряды и поверья, которые отличают Англию на рубеже перехода от дававшего простор фантастическому элементу католицизма к мрачному пуританству, с такою неумолимостью вышучиваемого Шекспиром (особенно в «Двенадцатой ночи», фигура Мальволио). Еще не наступил святошеский режим аскетических сект XVII века, изгнавших из Англии «бесовские» наваждения «языческих» переживаний, еще жив был дух той «веселой старой Англии» (Old merry England), который сообщает столько заразительной жизнерадостности и искрящегося смеха тем пьесам и отдельным сценам, где Шекспир не предается своим пессимистическим настроениям. Одновременно с обрядами и поверьями, в памяти Шекспира живо запечатлелись постоянно мелькающие в его драмах старые народные песни и баллады, чуждые уже большим городам, но еще распеваемые странствующими певцами по базарам мелких городов и сел.

К числу детских впечатлений Шекспира, несомненно, принадлежат и отголоски вековой кровавой распри Алой и Белой Розы. Стратфорд находится в центре графства, носящего имя одного из самых грозных главарей междоусобия – могучего Варвика. Едва ли можно считать простою случайностью тот ореол, которым в хрониках Шекспира окружено имя владельца великолепного замка, и до настоящего времени составляющего одну из главных достопримечательностей окрестностей Стратфорда.

В двух-трех часах ходьбы от Стратфорда находятся развалины другого замечательного замка – Кенильворт, имя которого предание особенно тесно связывает с именем Шекспира. Здесь, в 1575 году происходили устроенные графом Лейстером в честь Елизаветы великолепные празднества, отзвуки которых хотят видеть в «Сне в Иванову ночь» (см. предисловие к этой комедии в I томе). По преданию, их видел 11-тилетний Шекспир, и в своем некогда знаменитом романе «Замок Кенильворт» Вальтер Скотт описал впечатления гениального мальчика.

Лет 7–8 стратфордские дети поступали в школу. Незначительный городок-село Стратфорд обладал, однакоже, поместительною «грамматическою» школою (Gramat School; соответствует нашей гимназии), в которой и по настоящее время стратфордцы получают свое образование. Здесь преподавалась мудрость века – классические языки и литература. Шекспир не принадлежал к числу особенно прилежных учеников. Об этом свидетельствует его друг и великий почитатель – известный писатель Бен-Джонсон, сообщающий, что из школы Шекспир вынес «немного латыни и еще менее греческого языка» («Small Latin, and less Greek»). Однако классических цитат не мало рассеяно в произведениях Шекспира, особенно ранних, и к числу того немногочисленного, что осталось непосредственно от великого писателя, относится экземпляр Овидия (в Бодлеянской библиотеке), принадлежавший Шекспиру и носящий его гриф на заглавном листке. Самое преподавание классической премудрости, очевидно, не внушило Шекспиру особенного почтения: к числу наиболее смехотворных фигур его комедий принадлежат школьные «педанты» – учителя: Олоферн в «Бесплодных усилиях любви», пастор Эванс в «Виндзорских кумушках» и другие.

Позднее Шекспир, очевидно, практическим путем, приобрел некоторые познания во французском языке, о чем свидетельствуют, например, французские разговоры в «Генрихе V». Почти несомненно, что он был знаком и с модным тогда в придворных и светских сферах итальянским языком. Основание для такого предположения дают сюжеты некоторых

его произведений, которые он из английских источников почерпнуть не мог. Если, например, совершенно несомненно, что с Плутархом, давшим ему чрезвычайно обильный материал для римских трагедий («Юлий Цезарь», «Антоний и Клеопатра», «Кориолан») Шекспир познакомился по английскому переводу, то есть несколько драм его и при том таких знаменитых, как «Венецианский купец» и «Отелло», фабула которых заимствована из итальянских новелл Джовани («Pecorone») и Чинтио («Hecatommithi»), на английский язык не переведенных. Не исключена, правда, возможность того, что содержание этих итальянских новелл Шекспир мог узнать от кого-нибудь из своих многочисленных светских знакомых. Некоторые в книгах не находимые подробности итальянской жизни, изображенной им многократно, он даже наверное мог знать только по устным рассказам лиц, путешествовавших по Италии. Местный колорит итальянской жизни так ярок у Шекспира, что создалась даже целая теория о том, что Шекспир – в какой-нибудь труппе славившихся тогда английских актеров – в молодости побывал в Италии. На самом деле, Шекспир, конечно, никогда не был в Италии, иначе он не заставил бы Валентина из «Двух Веронцев» отправляться из Вероны в Милан морским путем, или Проспера из «Бури» садиться на морской корабль в миланской «гавани». Яркость местного колорита итальянских драм Шекспира представляет собою, таким образом, только одно из многочисленных проявлений необыкновенного дара его все усваивать и органически перерабатывать. Этим же путем мог он по устной передаче усвоить сюжеты, взятые из итальянских новелл. Но, все таки, точное сравнение содержания новелл первоисточников и заимствованных из них драм, совпадение многочисленных и притом очень мелких подробностей, почти не оставляет сомнения, что Шекспир имел перед глазами, при создании этих драм, книгу.

Лет в 14–15 кончалась школьная наука. Шекспир, несомненно, стал помогать отцу, дела которого в это время становились все хуже и хуже. Было ли это следствием увеличения семейства – после Вильяма родились еще три сына и 2 дочери, – или общего экономического кризиса, пережитого Стратфордом в конце XVI века, но только прежнее благосостояние тает. Закладывается и затем пропадает полученная за женою земля, закладывается и продается другое имущество, недавний почетный представитель городского самоуправления неисправно даже платит налоги, попадает в заключение за долги, перестает ходить в церковь, боясь встречи с кредиторами. Чем именно помогал молодой Вильям отцу – с точностью сказать трудно. По одному преданию, он якобы помогал отцу в ремесле мясника, по другому – был школьным учителем в соседних деревнях, по третьему – служил клерком у юриста. Последнее считает очень вероятным известный шекспиролог Фэрниваль, находя в этом объяснение не только изумляющего юристов точного знания английского права, рассеянного в драмах Шекспира, но и замечательного изображения душевных болезней в «Гамлете», «Лире» и др. Психиатры считают это изображение безусловно точным, и так как Шекспир во всяком случае не был врачом, то близкое знакомство с душевными заболеваниями всего скорее могло быть приобретено в конторе юриста. Однако же, всего вероятнее, что и знание права и верное изображение тогда еще ложно понимаемых душевных болезней – все то же проявление гениальной способности великого сердцеведа вдумываться в каждое положение до того, что оно исчерпывается в самых сокровенных глубинах своих.

IV. Женидьба

В 18 с небольшим лет (в ноябре 1582 г.) Шекспир совершает чрезвычайно рискованный с житейской точки зрения шаг: он женится на старшей его 8 годами Анне Гесуэ (Hathaway), дочери довольно состоятельного однодворца из лежащей в нескольких милях от Стратфорда местности Шотери.

Условия, при которых Шекспир совершил этот малопрактический шаг, очень обстоятельно можно проследить по документам, и едва-ли следует сомневаться в том, что брак был вынужденный. Свадебный обряд совершен без участия родителей Шекспира и с обходом некоторых обычных формальностей со стороны родственников невесты, а через 6 месяцев – в мае 1583 г. – у Шекспира родилась дочь Сузанна.

Установлено, правда, что в Англии того времени не считалось особенно зазорным жениху вступать в права мужа тотчас после обручения. В драмах самого Шекспира можно найти тому доказательства. Так, Клавдио в «Мере за меру» оправдывается тем, что если он и «завладел ложем» своей Юлии, то «после честного обручения». Но именно из тех экстренных обстоятельств, при которых состоялось венчание, несомненно, что «честного обручения» не было. А когда Шекспир писал «Бурю» (1610) и был отцом двух дочерей, из которых одну только что выдал замуж, а другую собирался выдавать, он с явно субъективной страстностью заставил Просперо обратиться к жениху его дочери Миранды с таким напоминанием:

Но если до того, пока обряд
Священником вполне не совершится,
Ты девственный развяжешь пояс ей,
То никогда с небес благословенье
На ваш союз с любовью не сойдет...
О, нет! раздор, презренье с едким взглядом
И ненависть бесплодная тогда
Насыпят к вам на брачную постель
Негодных трав, столь едких и колючих,
Что оба вы соскочите с неё.

В этих словах, не без известной доли основания, хотят видеть доказательство, что семейного счастья неравный брак не принес. В других пьесах Шекспира можно найти указания того, что он считал брак нормальным только тогда, когда невеста моложе жениха. В «Двенадцатой ночи», напр., герцог говорит:

Жена должна избрать себя постарше,
Тогда она прилепится к супругу
И будет царствовать в груди его

Наконец, собственно для характеристики самой Анны Гэсуэ, некоторые хотят усмотреть автобиографическое значение в одной из самых ранних пьес Шекспира – «Комедии ошибок», где речь идет, между прочим, о ревнивых женах.

Помимо, однако, этих косвенных и недостаточно-доказательных намеков, важно отметить, что легкомысленный брак Шекспира во всяком случае не оказал сколько-нибудь заметного влияния на его личную жизнь, и – что в данном случае, конечно, всего важнее – не оказал ровно никакого влияния на его литературную деятельность. Если Шекспир вскоре поедет

в Лондон, то во-первых потому, что помимо собственной семьи, он никогда не перестанет ревностно заботиться об улучшении материального положения отца, а главное потому, что необъятные силы созревающего гения начинают клокотать и рвутся на широкую арену деятельности. А переехавши в Лондон, Шекспир морально почти перестает существовать для оставшейся в Стратфорде семьи, которую посещает раз или два в год. На склоне лет он, правда, возвращается и навсегда поселяется в родном гнезде, но уже пора творчества почти миновала тогда и все великое было дано человечеству. Едва ли можно считать простою случайностью, что детей Шекспир имел только в первые 3 года брака – кроме Сузанны у него в 1585 г. родились два близнеца – сын Гамнет (английская форма имени Гамлет) и дочь Юдиеф, из которых, к великому огорчению отца, сын умер ребенком в 1596 г.

Можно было бы говорить о пессимистическом влиянии брака Шекспира на его литературную деятельность, если бы он являлся в ней женоненавистником. Но в действительности, во всей всемирной литературе нет писателя, в произведениях которого женщина была бы окружена таким ослепительным сиянием самых привлекательных качеств, как у Шекспира. «Укрощение Строптивой» в счет не должно идти, потому что в ней почти нет личного творчества: это простая переделка, с самыми незначительными изменениями, чужой пьесы. К тому же и в этой, в сущности только добродушно-насмешливой, а вовсе не злой буффонаде, героиня только недостаточно дисциплинирована, а в основе своей она добрая и любящая жена. Из действительно отрицательных и притом чисто-женских типов можно указать разве только на вероломную Крессида («Троил и Крессида») и на распутницу Тамору в юношеском и, может быть, Шекспиру вовсе и не принадлежащем «Тите Андронике», да на Клеопатру, которая, однако, в конце концов, вполне искупает свою вину героической смертью. Другие отрицательные женские типы – неблагодарные дочери Гонерилья и Регана из «Лира», преступно-честолюбивая лэди Макбет, кровожадная королева Маргарита («Генрих VI») – представляют собою воплощение не специально-женских черт характера, а общечеловеческих, свойственных обоим полам страстей и пороков. Зато апофеозом одним только женщинам свойственных достоинств являются такие лучезарные воплощения самоотверженной любви, как Корделия, Дездемона, Имогена («Цимбелин»), Юлия («Два веронца»), Гермiona («Зимняя сказка») и много других героинь во второстепенных пьесах; такие обаятельно-поэтические образы как Офелия, Джульетта, Миранда («Буря»), Пердитта («Зимняя сказка»).

Но если галерея идеальных женщин Шекспира вполне освобождает Анну Гэсуэ от каких-бы то ни было нареканий, то еще менее она, несомненно, повинна в том, что эта галерея является таким апофеозом женщины. Оригинал для обязательных героинь Шекспира, конечно, не была крестьянка из Шотери, перезрелая и не находившая охотников для своих прелестей даже в момент первого знакомства с нею Шекспира и приближавшаяся к 40 годам в период наиболее интенсивной поры творчества великого писателя. Знакомство с женщинами Шекспир приобрел в эпоху лондонской жизни, когда он вращался в самых различных слоях общества. Главным же образом, конечно, светлые женские образы Шекспира взяты из тайников собственных мечтаний поэта. Если все героини Шекспира в основных очертаниях своего характера и заимствованы из тех же литературных источников, которые дали ему фабулы его драм, то Шекспир углубил эти характеры собственным поэтическим прозрением и волшебным озарил светом жившего в его душе поэтического идеала.

V. Шекспир и сэр Томас Люси

Около 1585-86-87 гг. Шекспир оставляет Стратфорд и уезжает в Лондон. К числу вероятных мотивов отъезда – необходимости изыскать средства для поддержки собственной и отцовской семьи и желания приложить свои пробуждающиеся силы к чему-нибудь крупному и яркому, предание прибавляет еще один, несомненно имеющий за собою известную фактическую подкладку. Первый биограф великого драматурга – Роу сообщает, что Шекспир, «как это часто бывает с молодыми людьми, попал в дурное общество, между прочим занимавшееся браконьерством, и вместе с товарищами он не раз охотился за дичью в Чарльзкотском парке близ Стратфорда, принадлежавшем сэру Томасу Люси. За это он подвергся преследованию со стороны владельца, по мнению Шекспира слишком суровому. Чтобы отомстить, Шекспир сочинил на него балладу. И хотя эта баллада – может быть, первая поэтическая попытка Шекспира – потеряна, но, судя по рассказам, она преисполнена такой едкости, что Люси удвоил свои преследования, которые дошли до того, что Шекспир должен был бросить семью и все свои дела в Варвикшайре и спастись в Лондон».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.